

ПИСЬМО В. ЛОССКАГО Н. А. БЕРДЯЕВУ*)

Глубокоуважаемый Николай Александровичъ, на Ваше письмо мнѣ трудно отвѣчать, такъ какъ расхожденіе наше слишкомъ глубокое. Однако, я вполне понимаю Вашу установку, Вы же, считая себя защитникомъ свободы мысли, нашихъ высказываній не хотите ни понять, ни допустить, какъ возможныхъ.

Отрицая начало власти, Вы властью Редактора «Пути», отказываетесь помѣстить на его страницахъ разъясненіе людей, мыслящихъ иначе чѣмъ Вы. Признавая начало власти, мы не настаиваемъ. Однако, не могу не отвѣтить по пунктамъ на Ваши обвиненія.

1) Если статья на Вашу точку зрѣнія, то конечно выраженіе своего критическаго мнѣнія лицу, облеченному властью, есть доносъ. Отсюда слѣдуетъ, что отвѣчая на запросъ Іерарха, мы должны были бы, — чтобы не стать «доносчиками», — уклониться отъ всякаго отвѣта, т. е. признать, что вопросами ученія въ Церкви могутъ заниматься всѣ, кромѣ іерарховъ церкви.

2) Вы говорите, что «харизмы власти вообще не существуетъ». Не знаю, на чемъ Вы основываете это столь рѣшительное утвержденіе. Апостоль Павелъ, несомнѣнно обладавшій даромъ «различенія духовъ», держится иного мнѣнія. Перечисляя харизмы, онъ упоминаетъ и «управленія» (I Кор. 12, 28), обращаясь же къ надѣленнымъ Дарами благодати въ Церкви назидаетъ и «начальствующихъ», которые должны начальствовать «съ усердіемъ» — (Рим. 12, 6-8). Я могъ бы

*) Письмо В. Лосскаго ко мнѣ, которое печатаетъ «Путь», есть уже отвѣтъ на мое частное письмо къ нему написанное по поводу моего отказа напечатать в «Пути» документъ фотіевскаго братства еще разъ осуждающій о. С. Булгакова. *Николай Бердяевъ*

привести еще множество свидѣтельствъ, но боюсь, что Вы упрекнете меня въ текстопоклонствѣ и слѣпомъ подчиненіи авторитету, хотя бы и Священнаго Писанія.

Власть, какъ начало порядка, несомнѣнно есть благо. Недаромъ и Устроитель мірового порядка называется Господомъ, откуда именуется всякое господство на небесахъ и на землѣ. Она становится насиліемъ только вслѣдствіе человѣческаго несовершенства и грѣха, черты же «грѣха властвованія» приобрѣтаетъ только если низшее господствуетъ надъ высшимъ, напр., когда государство подчиняетъ себѣ Церковь или іерархи Церкви, забывая о превосходствѣ своей духовной власти, обращаются къ свѣтскимъ насильственнымъ мѣрамъ господствованія («дымное надменіе свѣтской власти», по канонамъ). Порядокъ въ церковной жизни, осуществляемый носителями «харизмы власти», іерархіей, распространяется на всѣ свободныя проявленія Духа, — даже на пророчествованія (I Кор., 14), для которыхъ Апостоль учреждаетъ особыя правила. И здѣсь нѣтъ «угашенія Духа», поскольку самая власть въ Церкви также является харизмой, отъ того же Духа Святаго, которымъ, строясь изъ различныхъ дарованій и служеній «все зданіе слагаясь стройно, возростаетъ въ свѣтлый храмъ въ Господи» (Еф., 2, 21). Внѣ этого богоустановленнаго порядка никогда не проявлялись дѣйствія Святаго Духа — если не считать Его проявленіями беспорядочную духовную жизнь нѣкоторыхъ мистическихъ сектъ, вродѣ средневѣковыхъ «братъевъ свободного духа», или нашихъ хлыстовъ.

3) Отрицать свободу человѣческой мысли или утверждать, что она должна протекать «черезъ административные указы», я думаю не приходило въ голову и Аракчееву; тѣмъ менѣе сознательнымъ членамъ Церкви. Но защита свободы мысли въ Церкви не можетъ принимать формы защиты свободы моей мысли отъ Истины, данной въ полномѣ Церкви Духомъ Святымъ. Мое богословствованіе свободно, но чтобы вполнѣ явилась въ немъ Истина, я долженъ свободно покориться Истинѣ, свободно признать себя несвободнымъ отъ грѣха, тварной ограниченности, самостной замкнутости, испорченности ума. Только перестраивая все свое существо, «совлекаясь себя», обновляя свой умъ, мысля иными законами, ему не свойственными, постоянно превышая себя, можно достигнуть полноты богопостиженія, къ которой призваны всѣ члены Церкви, ибо всѣмъ данъ Духъ Истины. Догматы Церкви имѣютъ прежде всего апофатическій характеръ, воспитывая умъ къ отрѣшенію отъ его обычныхъ законовъ мышленія, свидѣтельствуя о его ограниченности и несовершенствѣ. Это не значитъ, что догматы являются откуда то извнѣ, какъ *Deus ex machina*; это значитъ, что Духъ Святой не только усваиваетъ

Церкви Истину, но также и пути къ ея совершенному, сознательному, творческому постиженію. Но діалектика этого постиженія иная, чѣмъ во всякомъ другомъ творествѣ. Начало ея послушаніе, т. е. признаніе, что Истина не зависитъ отъ моихъ творческихъ усилій, я ничего отъ себя къ ней прибавить не могу; путь — освобожденіе отъ своей ограниченности; достиженіе — тождество моего сознанія и Истины, «умъ Христовъ», т. е. совершенная свобода ума, творящаго или налагающаго догматы силою Святаго Духа, которая становится нашей силой. Здѣсь отсутствуетъ противоположность субъекта и объекта въ постиженіи Истины: «познайте Истину и Истина сдѣлаетъ васъ свободными». Въ этомъ сокровенный «Ватиканскій догматъ» Православія. Я беру на себя смѣлость утверждать, что Ваша «профетическая философія (не касаясь здѣсь ея содержанія) можетъ быть развиваема Вами именно потому, что Вы, какъ сынъ Церкви внутренне ощущаете необходимость этой высочайшей свободы. Однако, путь къ этой свободѣ черезъ свободное послушаніе Истинѣ, черезъ «совлеченіе своего», Вы отрицаете, а потому остаетесь субъектомъ передъ лицомъ внѣшняго объекта (Истины), или же самъ объектъ превращаете въ продуктъ творчества субъекта. Отцы никогда не отстаивали *своего* творчества въ Церкви, но съ великимъ дерзновеніемъ защищали самоочевидную въ Церкви Истину. Не держась «своего», они лично отказывались отъ своихъ ошибокъ, будучи максимально свободными, не защищали *своей* свободы. Защита своей свободы передъ лицомъ высшей свободы въ Церкви была бы защитой своей ограниченности, т. е. своего рабства. Самый вопросъ о защитѣ нашихъ правъ въ Церкви — ложень, такъ какъ эти права неограничены.

Противопоставлять себя — Церкви, свою мысль — Истинѣ, значить утверждать свое право на заблужденіе. Церковь не отнимаетъ и этого права: безъ *возможности* заблужденія не было бы *свободнаго* послушанія Истинѣ, пути къ высшей свободѣ сыновъ Церкви. Но Она ограждаетъ Истину, отдѣляя ее отъ лжи, осуждаетъ ученія ограничивающія Истину, нарушающія ея апофатическій характеръ, являющійся въ этомъ смыслѣ «соблазномъ», т. е. препятствіемъ къ отрѣшенному постиженію Истины членами Церкви. Къ защитѣ Истины призваны всѣ въ Церкви, но Истина не внѣшній объектъ, сообразно которому каждый долженъ «урѣзывать» свою мысль, а лично данная каждому самоочевидность: не одинъ общій, но множество раздѣльныхъ языковъ пламени сошли въ Пятидесятницу и почилъ на каждомъ. Потому каждый членъ Церкви можетъ свидѣтельствовать объ Истинѣ, когда она искажается кѣмъ либо изъ братьевъ. Потому же эта защита самооче-

видной въ Церкви Истины не зависитъ отъ количества («все» или «многіе»), отъ «соборности» въ ложномъ, демократическомъ пониманіи этого слова, но отъ свободнаго согласія *хотя бы нѣкоторыхъ*, гдѣ свидѣтельствомъ непогрѣшимости является единый въ нихъ Духъ Божій, Источникъ самоочевидности Истины *и во вѣсть*. Отсюда неизбежность постепеннаго торжества Истины надъ ложнымъ ученіемъ во всей Церкви.

Защита Истины въ Церкви принадлежитъ всѣмъ, но обязанность этой защиты лежитъ *прежде всего* на епископахъ, харизматическихъ охранителяхъ порядка церковной жизни. Харизма не всегда достаточно культивируется, а потому отдѣльный епископъ можетъ ошибаться и въ сужденіяхъ и въ дѣйствіяхъ. Однако, его права (вѣрнѣе обязанности) судить о дѣлахъ ученія и принимать тѣ или иныя мѣры къ огражденію паствы, никто не можетъ отрицать, хотя всякій (и прежде всего тотъ, кого коснулось осужденіе) можетъ спорить, доказывая несправедливость осужденія, обращаясь, если надо, къ суду всей Церкви. «Репрессія» (если Вы хотите называть это репрессіей) состоитъ въ томъ, что человѣку предлагается свободно рѣшить, по совѣсти убѣдиться, защищаетъ ли онъ только *свою* мысль и *свой* опытъ, или же Истину, опытъ Церкви. Тѣ, кто хотятъ защищать свою мысль, какъ только «свою», и не могутъ отъ нея отказаться, справедливо несутъ отлученіе: Церковь для нихъ не нужна, они предпочли Ей свое достоиніе (еретики). Тѣ, кто имѣетъ внутреннее самосвидѣтельство Истины и возражая на осужденіе отстаиваютъ свои высказыванія, какъ выражающія ученіе Церкви, борются за нихъ, противостоя іерархамъ и соборамъ и, въ концѣ концовъ, неизбежно побѣждаютъ. (Св. Максимъ Исповѣдникъ, Св. Фотій, Св. Григорій Палама и многіе другіе Отцы). Тѣ, кто будучи обличаемы не увѣрены въ истинности своихъ высказываній по тѣмъ или инымъ пунктамъ, — если они подлинно внутренне свободны, легко признаютъ свои ошибки и отъ нихъ отказываются (Св. Дмитрій Ростовскій, по вопросу объ эпиклесисѣ).

Все сказанное столь нормально и очевидно, что становится совершенно непонятнымъ волненія и возмущенія, по поводу осужденія ученія о. С. Булгакова М. Сергіемъ Московскимъ. Могу объяснить это только массовымъ помраченіемъ церковнаго сознанія, утратой внутренней свободы сужденія, «мракобѣсіемъ свободы».

4) Вы считаете, что Ваши взгляды могутъ быть въ большей степени признаны «еретическими», чѣмъ ученіе о. С. Булгакова, что Вы менѣе православны и церковны, чѣмъ онъ. Въ послѣднемъ Вы, можетъ быть, правы. Но именно поэтому Церковь призываетъ къ отвѣту о. С. Булгакова, ибо его богословіе для Нея не безразлично, и можетъ пройти спокойно

мимо Вашихъ, хотя бы и самыхъ крайнихъ высказываній, которыя останутся для Нея не болѣе какъ частнымъ мнѣніемъ. «Кому много дано, съ того много и спросится».

5) Васъ удивило, что въ своемъ письмѣ я высказалъ сочувствіе Вамъ. Напомню, что это сочувствіе и даже почитаніе было отнесено мною лишь къ нѣкоторымъ, точно обозначеннымъ мною сторонамъ Вашего творчества (обличеніе «церковной буржуазности», господства націонализма въ Церкви, отстаиваніе значенія аристократическаго начала, пониманіе К. Леонтьева). Выражая сочувствіе этимъ взглядамъ, я хотѣлъ яснѣе показать Вамъ, что мы (вопреки Вашему убѣжденію) не слѣпые «мракобѣсы», отвергающіе огульно все, что высказываютъ инакомыслящіе, но обладаемъ свободнымъ и непредвзятымъ умомъ. Иной смыслъ въ моемъ выраженіи сочувствія Вамъ трудно найти, хотя Вы, кажется, нашли возможнымъ использовать эти слова, а также и основную интенцію моего письма къ Вамъ, въ крайне неблагоприятномъ для меня смыслѣ. Предвзятость не даетъ мѣста не только христіанскому, но просто справедливому отношенію къ ближнему, тѣмъ болѣе къ противнику. Кто же послѣ этого «еретикъ противъ любви»?

6) Вы пишете, что о. С. Булгаковъ очень больной человекъ и что на него можетъ очень плохо подѣйствовать, «если будетъ продолжаться травля (?) противъ него». Какъ я узналъ на дняхъ, этотъ же аргументъ былъ приведенъ къмъ то М. Сергію. Онъ отвѣтилъ на это, что тѣмъ болѣе надо дать человекъ возможность скорѣе отказаться отъ заблужденій. Конечно, такая точка зрѣнія естественная для христіанина, глубоко чужда обывательски-безбожнымъ представленіямъ о любви.

Вотъ что могу сказать въ заключеніе: если ужъ говорить о «травлѣ», то травля ведется противъ насъ, притомъ посредствомъ самаго уродливаго вида «властвованія», демагогіи, инсинуаций, клеветы и другихъ оружій «общественнаго мнѣнія». Пресса для насъ закрыта. Мы не имѣемъ возможности печатно высказать своихъ убѣжденій, а безъ этого условія всякая борьба противъ насъ будетъ чистымъ насиліемъ, позорнымъ для тѣхъ, кто его употребляетъ. Если Вы отказываетесь напечатать наше «Разъясненіе» въ «Пути», чтобы тѣмъ не содѣйствовать распространенію осужденія о. С. Булгакову, то опубликуйте, по крайней мѣрѣ, нашу переписку: Вашъ отвѣтъ на «разъясненіе» и настоящее мое письмо, въ которомъ вопросъ объ о. С. Булгаковѣ, по существу, не затраги-

вается. Этого требует не только христианская совесть, но просто джентельменское отношеніе къ противнику.

Искренно уважающій Васъ

Владиміръ Лосскій, Б. Ф.

23-го ноября 1935 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Н. А. БЕРДЯЕВУ

Глубокоуважаемый Николай Александровичъ,

Въ третій разъ я берусь за перо, чтобы на этотъ разъ высказаться по поводу Вашей послѣдней статьи «Духъ Великаго Инквизитора» въ № 49-мъ «Пути». Кому-нибудь со стороны можетъ показаться даже смѣшнымъ, что я считаю какъ бы своимъ долгомъ откликаться печатно на каждую Вашу статью

Но сейчасъ, я дѣйствительно не могу молчать. Если я промолчу, то, мнѣ кажется, я своимъ молчаніемъ солидаризуюсь съ Вами въ Вашемъ отзывѣ о Русской іерархіи, о Русской Церкви, о Православіи. А съ этимъ не мирится моя совесть. Если съ другими Вашими статьями я могъ не соглашаться, то послѣдняя Ваша статья меня глубоко оскорбила и возмутила не только своимъ тономъ, отдѣльными выраженіями, но, главнымъ образомъ, Вашимъ отношеніемъ къ Церкви. Я былъ бы очень радъ увидѣть, что я ошибаюсь, что я не понялъ Васъ. Вотъ почему я и пишу Вамъ, въ надеждѣ, что Вы сможете разубѣдить меня. Если я понялъ Васъ не вѣрно, простите меня, но я долженъ сказать Вамъ то, что я думаю и что тяготитъ мою душу.

Вся Ваша статья дышетъ *высокомѣрнымъ пренебреженіемъ* къ Русской Церкви и ея іерархіи, и въ этомъ заключается ея глубоко обидный смыслъ. Если бы Вы сгоряча выбрали того или иного іерарха, или то или иное явленіе въ русской церковной жизни, это не было бы обидно — праведный гнѣвъ, какъ бы онъ ни былъ суровъ, всегда понятенъ и всегда прощителенъ. Но въ Вашей статьѣ звучитъ не праведный гнѣвъ, а *презрѣніе, осужденіе есей* русской іерархіи, *есей* русской Церкви. Вы какъ бы отдѣляете себя отъ Русской Церкви и противопоставляете себя ей въ своей праведности и высотѣ. И у меня невольно возникаетъ вопросъ — съ Церковью ли Вы, или противъ нея? Я былъ бы счастливъ получить отъ Васъ на